

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

НАСТАСЬЯ
АЛЕКСЕЕВНА

Евгений Бузни

Настасья Алексеевна. Книга 4

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бузни Е. Н.

Настасья Алексеевна. Книга 4 / Е. Н. Бузни — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Остросюжетный роман "Настасья Алексеевна" продолжает трилогию жизни москвички Настеньки под общим названием "Траектории СПИДа", где под символическим названием СПИД болезнь проникает во все сферы жизни общества, разрушая страну и её жизненные устои. В этот раз героиня попадает на далёкий архипелаг Шпицберген, который полюбила всей душой, несмотря на тяжёлые климатические условия, частые катастрофы и многие другие трудности, встречающиеся за Полярным кругом. Здесь она встретила настоящую любовь, и этим всё сказано.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	27
-----------------------------------	----

ЕВГ. БУЗНИ

ТРАЕКТОРИИ СПИДА

(РОМАН)

НАСТАСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

(КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ)

Москва

2017

ВЗРЫВ

1.

Они пришли в сознание почти одновременно – девушка и спасатель. Сначала глаза открыла Настенька. Ночь. Её окружала темнота, слегка рассеивавшаяся слабым светом. Взгляд упёрся в едва различимые непонятные чёрные нагромождения. «Что это? Сон или явь?» Мысли медленно восстанавливали картину. Только что они шли втроём по штреку к выходу из шахты. И вдруг позади них раздался оглушительный треск, как будто раскололась земля. Всё содрогнулось, и девушка больше ничего не помнила.

Она ощутила, что тело неудобно согнуто. Пытаясь выпрямиться, почувствовала боль в спине и остановила движение. Повернула голову. Хотелось перевернуться с бока на спину, но что-то твёрдое упёрлось в поясницу, мешая движению, а ноги сдавливала тяжесть.

Темноту неожиданно пререзал луч света. Это пришёл в себя заместитель командира горноспасательного взвода Николай Степанович, или, как его просто звали, Степаныч. Он мгновенно почти автоматически понял, что произошло: профессия такая, что промедление в оценке ситуации – смерти подобна. Ему горняку спасателю приходилось сотни раз спускаться в забои и вытаскивать тела погибших и раненых то ли от взрыва метана, что сопровождается появлением такого же бесцветного, но ядовитого угарного газа, то ли от пожара в шахте, а то и от наводнений. Сейчас дело было во взрыве, который они услышали, но, естественно, предпринять ничего не успели из-за тут же последовавшей взрывной волны, бросившей их на землю.

Первым делом включил, погасший от удара фонарь на каске. Затем вскочил и вырвал маску из висевшей на поясе металлической коробки самоспасателя, одновременно осматриваясь. Чуть впереди лежала Настенька, делавшая попытки подняться. Ноги её были завалены породой, кусок камня у самой спины не давал выпрямиться. Степаныч ловким движением натянул на своё лицо маску, выдохнул и бросился к переводчице.

Освободить её, разбросав камни, сильному спасателю было делом секунд. Подхватив под руки, он поднял Настеньку на ноги и выхватил из её самоспасателя маску. К счастью девушка могла стоять. Степаныч оторвал свою маску на мгновение от лица и коротко бросил:

– Быстро надень маску и выдохни.

Перепуганные глаза Настеньки только теперь проявили признаки понимания происшедшего. Руки схватились за края нехитрого резинового устройства, растягивая его и приспособив к лицу. Выдохнула и тяжело задышала.

Если первые мгновения её напугало бросившееся к ней чудовище, оказавшееся Степанычем, то теперь, почувствовав, что стоит твёрдо на ногах и дышит, Настенька, наконец, осознала всю ситуацию и, подхватив слетевшую с головы каску, удержавшуюся только благодаря шнуру, идущему от прикреплённой на ней лампы к аккумуляторной батарее на поясе, включила погас-

шую лампу и бросилась вслед за Степанычем, который уже выхватил лучом своего фонаря другое тело, лежавшее неподалеку без движения, и направлялся к нему.

Он лежал поперёк рельс лицом вниз, покрытый белой инертной пылью, ещё оседавшей мелкими едва заметными снежинками. Лампочка на его каске светилась, но, обращённая вниз к земле, едва выпускала слабые лучи по сторонам, что и позволило Настеньке первые мгновения увидеть причудливые очертания нагромождений. Степаныч быстро перевернул тело и похлопал ладонью по пухлым щекам иностранного журналиста. Тот раскрыл глаза. Между тем руки спасателя уже поднимали грузную фигуру. Настенька мгновенно оказалась рядом и тоже подхватила иностранца под руку.

Степаныч, удерживая поднимавшегося человека правой рукой, левой доставал маску из висевшего на боку у него спасательного комплекта. Без лишних слов он сам стал надевать её на лицо ничего не понимающего журналиста. Настенька сдёрнула с себя маску и закричала почти в самое ухо иностранца:

– Please, exhale first¹.

Тут же послышался голос Степаныча, глухо прозвучавший сквозь резину на лице:

– А ну, надень свою маску немедленно.

– Да никакого газа нет. Я бы почувствовала. Что вы волнуетесь?

– Надень, тебе говорю! Этот газ запаха не имеет.

Настенька хотела возразить, что Степаныч сам только что так делал, когда давал ей указания о выдохе, но время было не для споров. Обстановка окружала их не из приятных. Она быстро натянула маску и снова выдохнула.

Теперь, когда у всех троих горели прикреплённые на касках лампочки, стало лучше видно мрачные стены штрека, обвалившиеся кое-где куски породы, вздыбленные деревянные настилы. Этот вид впечатляет в кино и сказках, а сейчас нагромождения и мёртвые стены казались страшными, готовыми обрушиться каждую секунду. И нужно было немедленно идти вперёд. Хотелось бежать, чтобы поскорее вырваться из неожиданного плена. В душу закрадывалась ужасная мысль: «А что, если выхода нет?»

Степаныч, твёрдо ступая в обход обрушившихся кусков породы, пошёл впереди. Настенька, подталкивая иностранца в спину, двинулась за ним. Мрачный наклонный штрек слегка поднимался вверх. Лучи трёх фонариков плясали по стенам, обрушившейся кровли, зиявшей местами глубокими чёрными дырами, и опускались на рельсы под ногами, создавая неприятное ощущение игры тьмы со светом, когда темени очень много, и она обнимает со всех сторон, наступая, на лучики и готовясь вот-вот проглотить их совсем. Движущиеся фигуры в резиновых масках на головах с респираторами у самого рта, напоминающими свиные рыла, походили на фантастических животных и казались бы забавными, если бы не серьёзность положения, когда существовала опасность остаться здесь навсегда.

Больше всех понимал, что им грозит, Степаныч. Они успели далеко уйти от забоя, который показывали норвежскому журналисту, а с ним и переводчице Настеньке в порядке экскурсии, но взрывная волна настигла их почти сразу, и счастье, что они остались живы. Но что их ждёт? Сколько времени упавшие были без сознания, когда газ невидимый и неосязаемый, но ядовитый проникал в их организмы? Что впереди? Нет ли непроходимых завалов? Откроются ли предохранительные двери или их вырвало волной? «Интересно, – думал он в то же время, параллельно с мыслями о спасении (голова, словно работала за двух человек сразу) – метан часто является причиной взрыва при его высокой концентрации в воздухе, что в шахте происходит незаметно, благодаря его бесцветности и отсутствию запаха. Поэтому всегда нужно следить за показаниями приборов, определяющих содержание газов в атмосфере. Но, если не учитывать взрывоопасность, метан совершенно безвреден для организма человека. Его даже

¹ Пожалуйста, выдохните сначала

употребляют спортсмены для укрепления мышц. Правда, насколько Степаныч слышал, этот газ действует отрицательно на нервы человека и имеет другие побочные эффекты при его использовании. А вот угарный или углекислый газ, который тоже бесцветный и лишён запаха, напротив, чрезвычайно ядовит. Вот в чём другая беда шахтёров. Вот для чего приходится постоянно носить с собой противогазы. Конечно, угольная пыль сама по себе вредна для дыхания, но газ вреднее – он отравляет ужасно».

Слово «ужасно» пришло Степанычу на ум, как единственно верное определение того, что он видел у тех шахтёров, которые успели надышаться угарным газом, когда не успевали воспользоваться противогазом. Иногда они даже теряли сознание, и приходилось буквально оживлять человека дыханием рот в рот и выполнять массаж сердца. Ужас проникал в самое сердце Степаныча, когда вынесенный на поверхность к свежему воздуху шахтёр, а со многими он был не просто знаком, а пил дружески, чокаясь, водку, и фактически только что оживлённый, начинал кашлять, почти задыхаясь, содрогаясь всем телом, морщась от усилий, когда думалось, что вот-вот человек не осилит кашель и умрёт на глазах. Ужас!

Собственно говоря, ужасного здесь, на Шпицбергене, хватало не только на шахте. Хотя их подразделение и называлось всеми гэ-эс-вэ, что означало горноспасательный взвод, а спасательными операциями им приходилось заниматься в самых разных местах. Посёлок Баренцбург помимо шахтного хозяйства имел четыре вертолёта, два морских буксира, российское консульство, школу, детский сад, большой клуб с плавательным бассейном, гостиницу, больницу, научный городок, с десятков жилых зданий – и всё это около двух тысяч населения, где дня не проходило без происшествий, на которые срочно вызывались бойцы ГСВ. То устроили драку в общежитии, то кто-то кому-то по пьянке откусил нос, пожевал и выплюнул, то начался пожар в клубе, то белый медведь объявился в посёлке, то грузовой корабль по пути в Баренцбург не мог пробиться через толстый слой морского льда, и тогда вызывали спасателей со взрывчаткой, чтобы проложить путь судну, везущему продовольствие и другие товары жителям заполярного городка. Чего только не случалось – и всегда как пожарники или как полицейские появлялись либо бегом, если недалеко от помещения взвода, либо на снегоходах (большую часть года архипелаг Шпицберген в снегу) сильные ребята ГСВ, с которыми не надо было спорить, а следовало выполнять их команды, да и самим им приходилось немало трудиться.

А то ещё был случай из разряда курьёзных. Каждое воскресенье на площади перед столовой шахтёры разворачивают торговлю своими поделками, картинами и сувенирами, привезёнными с материка. Покупателями являются туристы, приезжающие на снегоходах или в летний период на туристических судёнышках, прибывающие в норвежский посёлок Лонгиербюен с материка и почти три месяца совершают челночные поездки между российскими и норвежскими посёлками. В такие дни сувенирный базар собирается сразу, как только на горизонте залива появляется судно. Торговцы, не занятые в это время служебными обязанностями, быстро выносят свои товары и раскладывают на столах. Вот в один из таких летних базаров рассеянный турист, увлечшись покупками, положил на край стола фотоаппарат и забыл о нём. Вспомнил уже на судне, когда то отошло от причала и направлялось в Лонгиербюен. Незадачливый турист тут же сообщил об этом капитану, сказав, что аппарат пропал на русском рынке. Капитан, не долго думая, позвонил по рации в посёлок, и скоро весть пропажи, которую представили как кражу, дошла до директора, а тот, разъярившись, поднял на ноги ГСВ и приказал перевернуть весь посёлок, но найти аппарат. Курьёзным этот случай был потому, что сам продавец, на чьём столе турист забыл свою фотокамеру, не сразу заметил это, а когда увидел, не мог понять, чей аппарат и кому его отдать. Ну, так или не так было на самом деле, но пропажа была возвращена владельцу, для чего в норвежский посёлок был отправлен незамедлительно поселковый буксир. И такими делами приходилось заниматься ГСВ.

Настеньку тоже одолевали мысли. Отмечая автоматически плохое состояние идущего впереди норвежца, с видимым трудом переставлявшего ноги, и с беспокойством поглядывая на широкую спину Степаныча, шедшего чересчур быстро, но всё-таки останавливавшегося изредка, чтобы оглянуться назад на отстающих от него спутников, она думала совсем о другом.

Она снова была в Ялте. В палате родильного дома, где женщина врач в безумно белом больничном халате и совершенно таким же бледным лицом вдруг сообщила, что родившуюся три дня назад дочку Настеньки, которую она и в глаза ещё не видела после родов, врачи не смогли выходить. Но ребёнок же родился и был жив. Настенька потрясена. Три дня, когда она ждала, что принесут, а его всё не приносили, она гнала прочь всякие предчувствия, и вдруг случилось. И в эту минуту страшного удара её соседке по койке Тане, которой, кажется, не исполнилось тогда и шестнадцати лет, сестра приносит на кормление мальчика. Настенька, как будто вновь наяву, видит уткнувшуюся в подушку голову совсем ещё девчонки и слышит её приглушённый подушкой и рыданиями голос:

– Не буду, не буду кормить.

А Настенька, ничего не сознавая, кроме того, что у неё самой нет больше ребёнка, но вот он есть совсем рядом чужой, такой же маленький, но никому не нужный, и он хочет есть, а её груди полны молока, которое давит изнутри, просит ребёнка. И как же она скажет своему драгоценному Володечке, что ребёнок погиб, когда вот же есть рядом тельце, к которому стоит только протянуть руки, и оно будет у груди? И она протягивает дрожащие руки и тихо умоляюще просит сестру: «Дайте мне! Дайте, пожалуйста!»

Да, нельзя Володю оставить без ребёнка. Ведь это именно он пришёл на помощь, когда Настеньку опоили в университете, и на безвольной, беззащитной девушке, потерявшей фактически сознание, удовлетворили свою похоть трое один за другим. А потом, даже не зная, чей у неё должен родиться ребёнок, она решила избавиться от него, но в больнице перед абортom потребовали согласие потенциального отца. Володя, её школьный товарищ, давно влюблённый в Настеньку, сначала уговаривал оставить ребёнка, убеждая, что смогут вырастить его вместе, но видя решительный отказ девушки, выступил в роли отца, согласного на аборт. Как же можно было и в этот раз не оправдать его надежд на отцовство?

Она вспомнила каждое мгновение передачи ей маленького сокровища. Вспомнила, как подумала в тот момент, что она благодарна этой глупой девчонке за её отказ от ребёнка. Его отдали Настеньке и оформили документы о рождении у неё мальчика, а погибшую девочку оформили на Таню, и та счастливая в тот же день покинула роддом.

А как был счастлив Володя, думая, что это его сын! Настенька не могла сказать ему ничего другого, не могла сказать правду. Взяв всю вину на себя, спрятав глубоко в сердце боль о погибшей дочери, она тоже ощущала счастье, прижимая к груди маленькое тёплое существо, жадно сосущее молоко.

Теперь Настя думала, что, если бы она знала всё, что случится в ходе дальнейших событий, то и тогда она поступила бы точно так же, хотя случилось всё очень плохо. События замелькали в её голове с калейдоскопической скоростью. Всё ужасное, насколько она помнила, приходило неожиданно. Ну, пусть она знала, Володя сам предупреждал её о том, что у него обнаружили белокровие. Она всё равно не верила, что судьба в который раз может сыграть над нею злую шутку, и вышла за него замуж, и сыграли свадьбу. А через год после свадьбы, не успев наиграться с сыном вволю, Володя ушёл из жизни. Ещё через год в стране произошёл политический переворот: к власти пришёл Б.Н. Ельцин. Для Настеньки это случилось как гром с ясного неба. Тогда она уехала на Шпицберген.

Прошло целых шесть лет, как она здесь на здесь на далёком архипелаге, застрявшем среди ледников, тянущихся белыми языками с гор между снежными шапками вершин, восхитительно сияющих розовым цветом в минуты солнечного заката. А сейчас сентябрь, время, когда солнце вечерами опускается совсем низко к горизонту, будто собираясь спрятаться за

него, но проходя мимо, чтобы потом снова подниматься над снегами полярного архипелага. Увидят ли они это солнце сегодня?

Норвежец сел на огромный кусок породы, вывалившийся совсем недавно из кровли. Сквозь маску послышался его глухой голос:

– I can't walk any more².

Настенька оторвалась от своих мыслей, стащила с лица маску и закричала в спину ушедшего было дальше спасателя:

– Он не может идти!

Степаныч резко развернулся, в один прыжок очутился рядом и буквально прорычал:

– Надень сейчас же! Я вижу, что он дохляк, но не смей снимать маску.

В это время они почувствовали, что становится жарко. У Настеньки было странное ощущение нереальности происходящего. Под ногами временами хлюпала вода, казалось бы, здесь в мрачном подземелье должно быть холодно, а тут охватывает жара, и уже кажутся лишними тёплые куртки и брюки и даже каска на голове. Степаныч приблизил свою голову к Настеньке и прокричал:

– Я возьму норга на спину, только ты подсади его. Начался пожар.

У Настеньки лишь на секунду промелькнуло, отразившись в сознании, что норвежцы не любят, когда их называют норгами, да разве сейчас было в этом дело, кого как называть? Нужно было спастись, и она прокричала, склонившись к норвежцу:

– Sit upon his back! Quickly!³

Вдвоём со Степанычем они усадили журналиста на могучую спину Степаныча, немедленно двинувшегося вперёд и бросившего на ходу Настеньке:

– Ты сама не отставай!

К счастью норвежец был довольно худым по комплекции и легко уселся на закорки высокому широкоплечему спасателю, наверное, не раз выносившему подобным образом людей. Да и Настенька вспомнила, как прошлым летом группа любителей-рыбаков летала на мыс Старостина на озеро, и взяли с собой её. А там, на озере был лёд, в котором рыбаки проделывали лунки и ловили рыбу из-под льда. Настеньке тоже дали удочку, и она неожиданно для себя, наверное, случайно вовремя дёрнув леску, выбросила на лёд трепетавшую и запрыгавшую по люду рыбёшку, и от неожиданности кинулась на неё всем телом, чтобы она не ускользнула назад в лунку. А после удачной рыбалки все двинулись по льду на берег, утопая по колена в снегу. И тогда-то Степаныч посадил Настеньку к себе на спину и как пушинку нёс на себе до самой избы Старостина, в которой все весело обедали, пили вино и водку, пели песни, пока не прилетел за ними вертолёт.

Сейчас на спине Степаныча был норвежский журналист Юхансон. Держась крепко за плечи, ему было удобно, но неловко оттого, что русскому горноспасателю приходится его нести, как ребёнка. Но боль, ощущавшаяся в ногах пока он шёл, стала совсем невыносимой и он, не выдержав, сел. Ехать на спине, конечно, было легче, и Юхансон даже усмехнулся про себя тому, что с ним нет фотоаппарата. Его пришлось оставить в раздевалке, ибо, как ему твёрдо сказали, фотографировать в шахте запрещено из-за возможности взрыва метана от малейшей искры. И вот надо же, такой смешной кадр упустить, как он едет верхом на русском парне. Но взрыв-то, оказывается, всё равно случился. И, как потом уже Юхансону удалось выяснить, в этот день произошло на самом деле вот что.

2.

² Я не могу больше идти

³ Садитесь ему на спину! Быстро!

Спешилов Пётр Павлович, сорокалетний проходчик с двенадцатилетним подземным стажем, почти два года назад приехавший в Баренцбург из Гремячинска Пермской области, находился в месте взрыва за несколько минут до того, как он произошёл. Ему просто повезло, как, может быть, не везло никогда прежде. Он долго не мог сообразить что случилось.

Заканчивалась смена. Кое-кто уже направился к выходу. Но что это значит? Тут ведь не просто пройти по коридору, открыть дверь и выйти. Шахта – это много километровые штольни, или, как они здесь называются, уклоны, проходящие на разных глубинах подобно многочисленным щупальцам спрута, только не в морской воде, а в горной породе и угольных пластах. Если эти щупальца соединить в одну, то растянется она в этой шахте на сорок один километр. Поэтому, прежде чем попасть к месту работы, а в данном случае это был забой двадцать восьмого южного конвейерного штрека, нужно было шахтёрам, открывая и закрывая за собой многочисленные двери переходов, добраться до электровоза и в вагонетках довольно долго спускаться к уклонам, по деревянным настилам которых ещё идти и идти вниз вдоль рельсового пути, служащего для перевозки различных грузов.

Об этом нарушении впоследствии будет записано в справке государственной комиссии, приехавшей для расследования причин аварии. Дело в том, что по проекту строительства этой шахты должно было быть три уклона, один специально для транспортировки людей. Но в целях экономии средств, которых не стало хватать и на зарплату, поскольку государство выделяло денег на добычу угля, как, впрочем, и на всё остальное, в последние годы всё меньше и меньше, было решено ограничиться двумя уклонами, соединив грузовой и людской уклон в один.

Столь же непростым был путь обратно с той лишь разницей, что теперь шахтёру нужно было подниматься вверх с глубины четырёхста десять метров ниже уровня океана, звуки прибой которого сюда, конечно, не доходят, хотя, по сути, океан находится совсем рядом. И если шагающий на работу или с работы человек видит под кирзовыми сапогами воду, то, переступая через неё, он знает, что это не морская, а обычная подпочвенная пресная, что сочится по стенам то там, то здесь. Она тоже сыграла свою трагическую роль в описываемом событии.

Звену Николая Уварова, приехавшему на архипелаг из Пермской области, в которое вошёл и его земляк Спешилов, поручено было в эту смену произвести взрывные работы в гезенке номер шесть.

Читателю, не знакомому с профессиональным термином, поясню, что гезенк – это соединительный колодец или бункер, который пробивают от верхнего штрека, где добывают уголь, в нижний штрек, где находится конвейер для транспортировки угля. Добытый уголь подвозится к гезенку и сбрасывается через него прямо на конвейерную ленту. Вот такой гезенк под номером шесть и должны были пробить финальными взрывами в этой смене. Вопрос состоял в том, как выполнить работу.

В принципе, все работы, которые выполняются в шахте в данную смену на конкретном участке, обычно расписаны подробно в паспорте. Однако в тот день паспорта работ не было.

Позднее во время расследования причин трагедии одному из руководителей был задан вопрос о причине отсутствия паспорта, на что был получен ответ:

– Ввиду несовершенства технологии проведения этой выработки не представлялось возможным вести работы по заранее утверждённому паспорту. После каждого очередного взрыва конфигурация забоя постоянно менялась, каждое звено проходчиков приспособлялось, как бурить шпур. Количество шпуров, угол их наклона, схема расположения были непостоянными, в связи с чем буро-взрывные работы в гезенке номер шесть велись разовыми взрываниями, поэтому на семнадцатое сентября отработать постоянный паспорт не удалось.

Но это не значит, что рабочим не было известно какие работы и как выполнять. На руках у мастера был наряд-путёвка, на основании которого следовало произвести в гезенке два взрыва на расширение.

Соединительный колодец, то есть гезенк, выполнялся взрывами сверху и снизу. В эту несчастную смену толщина земляной пробки, которую осталось преодолеть взрывникам, составляла не более одного метра. Всего один шаг, чтобы колодец стал сквозным – своего рода праздник: соединение верхней и нижней проходки. Как хочется сделать эту сбойку поскорее.

В путёвке-наряде на эту смену записано произвести взрывы снизу и не для сбойки, а лишь для расширения нижней части гезенка. Можно было, конечно, не торопиться со сбойкой, раз главный инженер не знал об оставшейся метровой пробке. Но это показалось странным – лезть снизу в колодец, с потолка которого течёт вода, бурить в сырости самым неудобным образом шпур, когда гораздо легче забраться сверху и рвануть последний метр.

Кому именно пришло в голову такое решение, навсегда останется тайной, ибо нет в живых ни мастера-взрывника, приехавшего сюда из Челябинска, Ивана Михайловича Карамышева, ни помощника начальника участка Сергея Сергеевича Гордеева, ветерана из знаменитого на Шпицбергене украинского городка Селидово, в котором родились несколько руководителей угольной промышленности бывшего Советского Союза, и откуда немалая часть шахтёров внесла свой вклад в добычу угля на Шпицбергене. Мало известный в стране городок Селидово на заполярном архипелаге знают все. Шахтёры шутят по этому поводу, говоря, что здесь, куда пальцем ни ткни, всюду попадёшь в селидовца. Потому неудивительно, что среди не вышедших в этот день из шахты двое оказались из Селидово: Гордеев и проходчик пятого разряда Дорохов Владимир Викторович, у которого, как и у его земляка, остались в безутешном горе жена, сын и дочь.

Пётр Павлович Спешиллов вместе со своим напарником земляком Уваровым Николаем Викторовичем в эту смену бурили шпур для взрывов. Занятие не из приятных. Пришлось поверх котлована, то есть гезенка номер шесть класть брёвна и, привязавшись к ним поясами, спускаться вниз. Для сбойки верхнего и нижнего уклонов нужно было произвести два взрыва. Первый взрыв прошёл успешно в начале смены. Теперь толщина пробки сократилась на полметра. Осталось почти столько же.

Однако в технологии проведения взрывов важно не только место взрыва, то есть снизу или сверху взрывать, но ещё большее значение имеет вопрос, чем производить этот самый взрыв. Не станете же вы в самом деле вбивать маленький гвоздик в дверцу шкафа, на который хотите повесить зеркальце, огромной кувалдой. Ею вы при ударе, несомненно, не чтобы не забьёте гвоздик, а и дверцу шкафа проломите. Так что для забивания гвоздика вы используете маленький молоток. Так и при взрывах можно использовать сильную взрывчатку, а можно и послабее.

В шахте Баренцбурга применяются взрывчатые вещества двух типов: Детонит-М, производящий мощный взрыв, выбрасывающий столб пламени, и более безопасный Аммонит-Т-19, но вдвое слабее по мощности взрыва. Естественно, что при производстве буровзрывных работ в породе, где нет угля, а стало быть, опасности появления горючего газа метана – злейшего врага шахтёров, выгоднее всего производить взрывания Детонитом-М, поскольку работа с ним идёт быстрее. Ну а там, где есть уголь и в любую минуту концентрация всегда присутствующего метана может вырасти до взрывоопасной, применяется Аммонит-Т-19. Он, конечно, менее эффективен для получения премий за более быструю работу, да зато жизни спасает.

В гезенке номер шесть для сбойки двух штреков по всем правилам безопасного ведения работ можно было использовать только Аммонит. Но не было его у мастера-взрывника в тот момент. Не завезли безопасную взрывчатку, а задание дано: выполнять надо. Не сделаешь работу, пожалуешься, что нечем было взрывать, себе же дороже выйдет. Так думал мастер-взрывник Карамышев. Он хорошо знал, что не было Аммонита, можно считать, на всём руднике. Те остатки, что были на складе, берегли для более важных работ. За полгода до случившегося заказали двадцать пять тонн этой безопасной взрывчатки, но не получили ни килограмма.

Аукнулась бездарность государственной перестройки. Вспоминается март тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. К власти в большой стране Советов пришёл новый человек с задумкой устранить те самые Советы, порождением коих он сам являлся. Разумеется, он не знал никого из погибших впоследствии на Шпицбергене и не таил особого зла на них, как и на те тысячи и тысячи других жертв авиакатастроф, кораблекрушений, железнодорожных и автомобильных аварий, заказных грабительских и террористических убийств, самосожжений, отравлений и голодовок, больших и малых войн, которые шквалом обрушились на некогда довольно благополучную в этом отношении страну.

Он не предполагал и, возможно, даже не хотел этих смертей, но был первым, кто замутил воду, пусть не всегда чистого, но озера, превратив его в омут, куда и потащил страну. Провозглашая всевозможные блага в виде журавлей в небе, которые будто бы дадут новая свобода и демократия, этот человек медленно, сначала с опаской, но затем всё увереннее разрушал опоры не нравившегося ему государственного устройства, ломая установившееся годами, предлагая вместо системы налаженных отношений бессистемную анархию.

Выдвинутый им лозунг “Делайте, что хотите и как хотите, не обращая внимания на законы и инструкции”, пусть высказанный несколько другими словами, привёл, прежде всего, к анархии производства. Принцип – делай то, что тебе выгодно и по цене тебе приемлемой, а не плановой, как было раньше, для кого-то сначала оказался хорош, и эти кто-то даже стали было быстро богатеть, повышая произвольно цены на свои товары. Однако за этими первыми помчались и другие выпускать только ходовое сегодня, только выгодное сейчас и только по высоким ценам. Цепной реакцией полетели вверх цены, тогда как ассортимент товаров стал резко падать.

Вскоре первые, как и вторые, стали замечать, что разлаженный механизм снабжения отразился и на них, давая отсутствием тех самых, казалось бы, неходовых товаров, но без которых теперь невозможно было делать ходовые.

Меньше стали выпускать менее запрашиваемой взрывчатки и больше более производительной. Дефицит производства и мысли поставил на карту человеческие жизни. Запишем этот пункт обвинения архитекторам перестройки. Но это потом, а сейчас Аммонита у взрывников не было в наличии.

Однако первый взрыв прошёл нормально. Газовая обстановка была в пределах допустимого. Пришёл мастер Карамышев, замерил атмосферу. Она вроде бы позволяла взрывать Детонитом-М. После этого Спешиллов с двумя напарниками зачищали гезенк от разваленной взрывом породы. Но так обстояло дело наверху, в штреке, отделённом пока от нижнего полуметровой земляной пробкой, которую собирались взорвать. А в это время в нижнем грузовом уклоне, куда пробивали брешь, начали разворачивать комбайн. Его перемещению мешала вентиляция туба. Дали команду препятствующую часть трубы снять, временно прервав вентиляцию. Гусеницы неуклюжего механизма, передвигая его на новую позицию, подняли пыль.

Кто из шахтёров не знает, что такое гремучая смесь? Газ метан, которого все так боятся, концентрацию которого замеряют сотни датчиков, автоматически выводя показания на главный пульт диспетчера, сам по себе не взрывается. Он горюч, но взорваться может при смешении с пылью, особенно угольной. В принципе, любая пыль, даже мучная, достигая определённой концентрации в воздухе, становится взрывоопасной. Достаточно, как говорится, одной спички. Появление же горючего газа в такой ситуации увеличивает опасность взрыва в сотни раз. Вот почему его содержание в атмосфере строго контролируется. Однако не будет пыли, не взорвётся и газ. Так что пыль – это второй враг, с которым в шахте ведётся вечная борьба.

Но, оказывается, не всякая пыль вредна. Создали учёные специальную, инертную пыль, что своим видом напоминает мыльный порошок, только принцип действия несколько отличается. Как мыло, инертная пыль скрепляет частички другой пыли, не позволяя ей подниматься в воздух. Процесс покрытия земли инертной пылью называется у шахтёров осланцеванием. Если

участок осланцован в достаточной степени, взрыв произойти не сможет. И, конечно, работавшие в этот день шахтёры и их руководство знали, что на руднике в связи с недостатком денег катастрофически не хватало инертной пыли, чтобы засыпать ею все участки в тех количествах, в которых требовали правила техники безопасности. Она на участке была, но в очень небольшом количестве, как говорится, для близира. Запишем и это в результат перестройки. Уже после взрыва специальным рейсом самолёт МЧС вместе с бригадой спасателей из Воркуты привезёт тонны этой самой инертной пыли, а на обратном пути заберёт на материк гробы с телами тех, кто погиб из-за её отсутствия.

Смена подходила к концу, но ещё было время произвести последний взрыв в гезенке номер шесть. Над котлованом, рядом с угольным пластом, мастер-взрывник Михаил Иванович Карамышев готовил к работе Детонит-М. Внизу в центральном грузовом уклоне комбайн поднимал гусеницами пыль. Его передвижением руководил горный мастер Гордеев Сергей Сергеевич. Последние минуты жизни. О чём мог думать он в это время? Может о том, что близится его пятидесятилетие, которые его товарищи с удовольствием отметят вместе с ним? Шутка сказать – с девяностого года работает на руднике. А, может, подумал о жене Антонине.

В этот день большая группа полярников отправляется на материк, и ей, как работнику отдела кадров, придётся выдавать каждому документы, что делается всегда перед посадкой в автобусы, которые под звуки баяна и прощальные возгласы провожающих отправятся на вертолётную площадку, откуда отъезжающие полетят в норвежский посёлок Лонгиербюен, затем самолётом через Тромсё в Мурманск. Среди них немало друзей Сергея Сергеевича. Он прощался с ними вчера.

Снятые временно вентиляционные трубы лежали рядом. Газ метан незаметно скапливался под готовящимся к взрыву потолком, смешиваясь с поднимающейся с земли пылью, доходя до опасной концентрации.

Гордеев дал команду Спешилову занять наблюдательный пост в конвейерном уклоне возле вентиляционного гезенка номер пять, чтобы никто не оказался поблизости от места взрывания. Дойдя до назначенного пункта, Пётр Павлович увидел Иванова Виктора Юрьевича, зачищавшего ленту конвейера под пятым гезенком. Одногодок Спешилова, приехавший чуть больше года назад из Гремячинска Пермской области. Они едва успели перекинуться несколькими словами, как горячая волна швырнула куда-то Спешилова, застав туманом глаза и оборвав сознание.

Где-то далеко в уголке памяти успела зафиксироваться картинка: мастер поворачивает ручку дистанционного управления, хлоп и загорается метан. Кто-то бросается бежать, но взрыв мгновенен. Он был как тест на готовность шахты. Будь недостаток инертной пыли в одном месте, взорвалось бы только в одном и ощутили бы его на себе два-три работавших поблизости и нарушивших правила техники безопасности человека, как это произошло в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году здесь же в Баренцбурге. Но в этот раз защита оказалась слабой и в других местах, которые проявили себя мгновенно, сдетонировав в доли секунды новыми взрывами, обрушениями кровли и пожарами. Высокая температура огня, дым и газ вслед за ударной волной воздуха охватили огромную территорию, догоняя уходящих уже со смены шахтёров.

3.

Настенька и Степаныч с Юхансоном на спине торопливо уходили от пожара, когда далеко впереди замелькали огоньки лампочек спешащего на выручку товарищам отряда горноспасателей, вооружённых огнетушителями и прочим необходимым для спасания оборудованием. Встретив счастливую троицу, они тут же переложили норвежца на носилки и уже двое молодых горноспасателя понесли их на выход, а Степаныч повернул назад. Как более опытный из всех, он был нужнее на месте взрыва. Настенька пошла за носилками. Она была не спасателем, а переводчиком. Её место при иностранце.

Горноспасатели, или как их тут называют гэ-эс-вэшники, то есть по первым буквам названия подразделения – горноспасательный взвод. Как часто думают, что работа у них, как у пожарников, почти лежащая. Да, не каждый день трагедии в шахте. Не каждый день нужно, рискуя своей жизнью, спасать чужие. Но то, что им достаётся один раз, другому хватит на целую жизнь. Прорываясь через завалы, сквозь дым, навстречу огню, когда температура всё выше и выше, в масках, с носилками, ломом и лопатами они должны были идти километры в поисках живых, но находили только погибших то ли от удара, то ли от огня, то ли от угарного газа.

У каждого, идущего под землю, на боку или груди обязательно висит самоспасатель – металлическая коробочка, напоминающая внешне термос. Как только прибор показал или сам почувствовал опасность, сразу нужно надевать маску. В ней минут пятьдесят продержишься, но за это время можно успеть выбежать в безопасную зону, когда в состоянии двигаться. А когда нет?

Нередко самоспасатель мешает выполнить ту или иную работу и шахтёр, пренебрегая опасностью, сбрасывает его с себя, оставляя поблизости. Сколько не вышедших в это утро погибли оттого, что волной взрыва отбросило их от коробочек, которые могли ещё помочь выжить? У кого-то не было самоспасателя даже в стороне. Возможно он в какой-то момент пришёл в сознание от удара волны, но не нашёл своего самоспасателя, а дойти без него не позволил газ. Зато кто-то другой сумел выйти с двумя самоспасателями на боку, объяснив это тем, что снял один с погибшего. Не замучает ли совесть спасшегося?

Гэ-эс-вэшники, возглавляемые теперь Степанычем, быстро шагали к эпицентру взрыва, по пути встретив нескольких шахтёров, которых тоже бросило взрывной волной и ударило до потери сознания кого об стену, кого об рельсы, а кого оглушило упавшим с потолка куском породы. Хорошо, что на голове была каска, и потому не убило совсем.

Они двигались, казалось, пошатываясь, с поцарапанными лицами, продранными рукавами колотёсок – так называют здесь шахтёрские куртки, но не по имени старинного русского города, что на левом берегу реки Оки – Колотёск, принадлежавшего черниговским князьям, о чём записано ещё в Ипатьевской летописи. О такой старине двенадцатого века шахтёрам вряд ли кто рассказывал. И уж, конечно, куртка была так названа не в честь румынского генерала Колотеску, которого назначили губернатором во время Второй мировой войны на оккупированной румынами части территории Украины. Его действия по отношению к украинскому населению было ничуть не лучше фашистов Германии. Плохую память он оставил о себе.

Этимология слова «колотёска» значительно проще. Шахтёрам, работающим в очистном забое, частенько приходится колоть и тесать уголь в тех местах, где не доработает комбайн, так сказать, приглаживать стены и потолки. Потому и называли куртку, спасающую от угольной пыли, колотёской. Под колотёску обязательно надевали водолазку. Ну, этот термин вполне понятен. Это тёплое нижнее бельё, которое обычно выдают водолазам под специальные гидрокостюмы.

Первого погибшего горноспасатели обнаружили за три километра от эпицентра взрыва. Потом нашли ещё пятнадцать тел, скрюченных и распластавшихся по земле, в масках и без масок с окровавленными лицами. Казалось бы, дальше живых быть не может. И вдруг в районе гезенка номер пять снизу с центрального конвейерного уклона раздался голос, зовущий на помощь.

Степаныч подскочил к краю котлована, посветил вниз – там был живой человек.

– Ты кто? Как твоя фамилия? – закричал он.

– Не знаю, – донеслось снизу. – Вытащите меня.

Это был пришедший в сознание Спешилов. Он явно родился в рубашке. Взрыв пощадил одного человека – отшвырнул в сторону, но не убил, оставив лежать без сознания, пока не послышались чьи-то голоса наверху.

Ему бросили конец верёвки, но он ничего не понимал и только просил о помощи. Пришлось Олегу Чужикову, опытному горноспасателю, как самому худому, спуститься в котлован на верёвке.

Олег, хоть и отличался худобой, но был жилист и с сильными руками, что могло бы показаться странным при заметной романтичности его натуры. Он увлекался живописью. Его часто можно было видеть сидящем на подъёме горы Улав с мольбертом. Любимым делом было писать пейзажи заполярного края, голубые до рези в глазах в летнее время фиорды, изгибающиеся белые языки ледников, остроконечные горы, то напоминающие собой женские груди, за что и получили название «Груды Венеры», то лежащего на вершине спящего рыцаря, покрытого седым снегом. Чужиков дарил свои картины друзьям, не имевшим таланта художника, некоторые продавал заезжим туристам. Выделяла парня и постоянная серьёзность, и какая-то грусть, словно отпечатавшаяся на тонких чертах лица.

Сейчас ему пришлось обвязать Спешилова, которого он тут же узнал, оказавшись с ним лицом к лицу, надеть на него прихваченную с собой маску, и крикнуть Степанычу:

– Тяни-и! Это Петька Спешилов.

И его вытащили, не сознающего ни кто он, ни почему здесь оказался, ни что вообще происходит. Только на больничной койке под наблюдением врачей, да и то далеко не сразу, Спешилов постепенно вернулся в нормальное состояние, если можно его таковым назвать, когда в памяти постоянно всплывает красный туман в глазах и крошечный мрак подземелья. Он-то и рассказал потом, что произошло в забое двадцать восьмого южного конвейерного штрека.

У Юхансона оказалась вывихнута правая нога. Вынеся из шахты, его с сопровождавшей Настенькой сразу отправили на газике, дежурившим у входа в штольню, в госпиталь. Там баренцбургский хирург Покровский, балагур и весельчак, высокого роста, могучего телосложения, с сильными, как и полагается всякому костоправу, руками быстро вправил пострадавшему ногу, удивляясь тому, что, как рассказала Настенька, норвежец смог идти некоторое время на своих двоих. А девушка чуть не потеряла сознание при виде искажённого от боли лица норвежца, когда ему поправляли ногу. Так что, увидев неожиданно побледневшее лицо Настеньки, медсестра быстро подставила ей стул, усадила и поднесла к носу ватку, смоченную нашатырным спиртом. Нелёгкое это дело быть переводчиком во время операции, пусть даже не очень сложной.

Едва успели переложить в палату больного норвежца, как за ним уже приехали его соотечественники из близлежащего норвежского посёлка Лонгиербюен. Они тут же прилетели на вертолёте, как только узнали о трагедии на российской шахте. Прилетели со своими врачами и медикаментами на помощь русским. Правда, врачебная помощь друзей из Норвегии не понадобилась, так как у вышедших шахтёров были небольшие ранения, да у одного оказалась сломана рука. Однако с этим всем справился легко хирург Покровский. Так что норвежским медикам из соседнего посёлка оставалось забрать своего журналиста и поблагодарить за помощь российского коллегу.

РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА

1.

Много дней после взрыва Настенька была в напряжённой работе, не позволявшей расслабиться, задуматься о происшедшем с ней самой.

Российская комиссия обходилась без переводчика. Норвежский полицейский Лаксо знал немного русский и тоже обходился в основном без помощи Настеньки. Но представители норвежской комиссии, принимавшие участие в ежедневных совещаниях и в экскурсионных или деловых походах по посёлку Баренцбургу, да и прибывшие с ними вездесущие журналисты, не могли обойтись одним норвежским переводчиком, так что приходилось потеть и Настеньке.

Часто бывало, что после совещания, проходившего в кабинете директора рудника или в читальном зале библиотеки, куда помещалось больше народу, гостям предлагалось в порядке отдыха осмотреть музей «Помор» – гордость Баренцбурга и его главная достопримечательность, а потом пообедать в кафе гостиницы.

Настенька и сама уже могла бы вести экскурсию по музею, так как за годы его существования она столько раз переводила речь экскурсовода, роль которого исполнял обычно профессор археолог Строков, что знала почти наизусть всю историю экспонатов. Но, конечно, для таких важных гостей рассказывать должен был сам профессор, основатель этого музея, его вдохновитель. Настенька, правда, тоже принимала участие в создании музея, который формировался на её глазах в помещении бывшей школы. Но её участие ограничивалось переводом надписей под экспонатами на английский язык. Хотя, втайне она гордилась и тем, что однажды подкинула идею Строкову, предложив одну комнату оборудовать под штольню шахты в натуральную величину. Мысль понравилась, и вскоре появилось помещение, входя в которое экскурсант оказывался как в забое, где, согнувшись в три погибели, фигура шахтёра с киркой как бы отбивает кусок угля. То, что идея с шахтой принадлежала Настеньке, нигде в истории музея записано не было, так что ей оставалось гордиться самой про себя.

В обедах в кафе, если в них принимали участие, как россияне, так и норвежцы, тоже требовалась помощь Настеньки. За общим, хорошо накрытым выпивкой и закусками, столом, где возникали помимо официальных тостов, не чокаясь, и тосты за дружбу и взаимопонимание, за процветание шахты и многие другие такого рода, они с Бордом переводили речи выступающих по очереди, то есть Борд начинал работать, когда норвежцы, пользуясь его присутствием, говорили на своём языке, а Настенька переводила на английский, который норвежцы прекрасно понимают, русских выступающих. Работы хватало обоим переводчикам.

После такого напряжённого дня Настенька едва доходила до своего гостиничного номера на четвёртом этаже, принимала скоренько душ и заваливалась спать, стараясь ни о чём не думать, хотя мысли о прошедшем её всё же одолевали всякий раз, когда голова касалась подушки.

2.

В августе 1991 года, когда в великом государстве Советский Союз происходили судьбоносные события, перевернувшие всю историю страны, в этом знаменитом августе государственного путча, как его потом окрестили перестроившиеся политики и журналисты, Настенька тоже круто изменила свою судьбу, решив по окончании вечернего отделения Института иностранных языков прекратить работу в музее Николая Островского и улететь на крайний север, на архипелаг Шпицберген переводчиком. Английским и французским она владела свободно, что понравилось в тресте «Арктикуголь», куда в небольшое старенькое здание на Селезнёвской улице привёл её Евгений Николаевич, которого пригласили работать в Баренцбург редактором многотиражной газеты «Полярная кочегарка».

Пока ещё действовали все советские учреждения, Настенька быстро поменяла паспорт, изменив в нём с детства не нравившееся ей имя Александра на привычное имя Настя, и стала Настасьей Алексеевной Болотиной, по своей девичьей фамилии. В паспортном столе милиции хотели записать её полное имя Анастасия, но Настенька уверенно заявила, что хочет иметь старинное русское имя Настасья. Когда ей возразили тем, что Анастасия тоже старинное русское имя, и начальник паспортного стола вспомнила, что дочь Ярослава Мудрого, ставшая потом королевой Венгрии, называлась Анастасией Ярославной, то девушка в ответ тоже привела примеры, но из литературы, сказав, что героиню романа Ф. Достоевского «Идиот» звали Настасья Филипповна, и припомнила Настасью Золотую Косу из волшебной сказки А. Афанасьева «Три царства – медное, серебряное и золотое», которую она очень любила в детстве. Дискуссия

закончилась тем, что Настеньку записали Настасьей, хоть, по мнению паспортистки, это звучит простонародно. Однако именно эта народность имени и нравилась Настеньке больше всего.

Начальник отдела кадров треста, Александр Филиппович, низенький полноватый мужчина, не смотря на серьёзность своей должности, весёлый по характеру, раскрыв паспорт Настеньки и прочитав её имя, улыбаясь, пропел негромко строки популярной песни:

Ах, моя Настасья,
Ты мне даришь счастье.

и тут же извинился за вольность. Всё-таки он был начальник.

Настенька засмеялась и подумала, что впервые ей поют эти слова, но теперь, наверное, надо будет привыкать к этой шуточной песне, исполняемой в её адрес.

Александр Филиппович попросил скоренько пройти медкомиссию и готовиться к отлёту, который намечался на девятнадцатое сентября вместе с очередной партией полярников, направляемых на замену шахтёрам, отлетающим с архипелага. То же самое предстояло и Евгению Николаевичу, поджидавшему Настеньку в соседнем кабинете. И её радовал тот факт, что она летит на край земли не одна, а с давним другом. Всё же неизвестность немного пугала и близость давно знающего и понимающего тебя человека успокаивала.

Волновал Настеньку вопрос и как одеться. Она спросила Александра Наумовича, в чём там ходят на Шпицбергене. Уж очень ей не хотелось выделяться среди других своей одеждой, но кадровик её успокоил:

– Вы особенно не волнуйтесь. На острове мы выдаём специальную одежду каждому сотруднику, так что вы там будете выглядеть вполне как все полярники. Ну, вы увидите в аэропорту возвращающихся из отпуска шахтёров. Их сразу можно узнать по одежде.

И точно. Когда они прибыли в Шереметьево-1 и прошли в отдельный зал для депутатов, где в этот раз собрались полярники, они выделялись своими одинаковыми тёмными полушубками и шапками, все почти друг друга знали, громко весело разговаривали. Можно было заметить, что многие навеселе. Ну, а как же, они возвращались туда, где у них всё есть, где хорошо платят за работу, где почти не о чем беспокоиться.

После таможенной проверки вещи сложили в одну кучу. Чемоданы и сумки Настеньки и Евгения Николаевича попали туда же. Когда и кто их взвешивал перед погрузкой на самолёт, они не знали, да это и не имело значения. Сопровождавший их Александр Филиппович просил о вещах не беспокоиться. Вылет был назначен на полдень. Со своими родными: сыном, бабушкой и сестрой Настенька попрощалась дома, а с друзьями за два дня до путешествия, так что провожатых не было. Отец с матерью опять были в зарубежной командировке.

Самолёт взлетел. Москва со своими площадями и высотными зданиями огромного города осталась далеко внизу, проглоченная постепенно облаками. Утомлённая проводами и расставаниями Настенька скоро уснула в кресле самолёта. Она попросила сидящего рядом Евгения Николаевича не будить её для приёма пищи. Проснулась от лучей заходящего солнца, прорвавшихся в иллюминатор самолёта.

Ряд, на котором они сидели, был впереди крыла самолёта, и перед глазами впервые попавшей в эти края путешественницы открылась восхитительная картина заснеженных гор с множеством вершин напоминавших острья пик. Они летели над Шпицбергом, и Настенька сразу вспомнила прочитанную, готовясь к поездке, историю архипелага, где рассказывалось о том, как давным-давно голландский мореплаватель Уиллем Баренц, путешествуя по северным морям, наткнулся неожиданно на эту землю, буквально утыканную остроконечными вершинами гор, и потому назвал её Шпицберген, что в переводе означает земля остроконечных горных вершин. Глядя в маленькое круглое окошечко самолёта, Настенька могла убедиться в правильности данного Баренцем наименования.

Острые то ниже, то выше вершины перемежались с узкими тоже заснеженными долинами. А над голубой гладью фиорда проносилась тень самолёта, шедшего на посадку. Эта картина запечатлелась ярче всего.

Взлётно-посадочная полоса шла узкой прямой, как стрела, лентой, начинаясь почти от самого берега фиорда и останавливаясь на широкой площадке, которую и аэродромом трудно назвать в сравнении с гигантскими площадями на материке. Лайнер пробежал полосу, затормозил и подрулил к маленькому зданию аэропорта, напоминающим собой скорее ангар. А это и был ангар, но часть которого была отделена тонкой стенкой, и внутри она казалась похожей на сарай, заполненный толпой полярников, готовых к отправке на материк. Тут происходила смена составов.

Прибывшие отпускники обнимались с отъезжающими. Кто-то втихаря доставал водку и, чтобы не заметило начальство, разливал по рюмочкам или пили из горла за приезд одних и отлёт других, закусывая солёным огурчиком. Прodelывалось это быстро, так как худощавый мужчина, одетый почему-то не как все в полушубок, а совсем иначе – в серое пальто и фуражку, озабоченно бегал по помещению и давал уже команду отъезжающим в посёлок Пирамида, садится в вертолёт, который только что приземлился поблизости от ворот аэродрома, разгоняя вокруг себя не выключенным пропеллером снег. Это был большой летательный аппарат МИ-8 тёмно-оранжевого цвета, прославленный надёжностью работы в любых климатических условиях. Его успешно используют как на юге, так и на севере.

Всё, что привезли с собой вновь прибывшие, выгрузили из самолёта прямо на выпавший совсем недавно снег, и те, кому предстояло лететь в посёлок со странным именем «Пирамида», подходили к вещам возле самолёта, выбирали свои чемоданы, коробки, баулы и несли к вертолёту, уже заглушившему двигатель. Можно было, конечно, все вещи сначала перевезти электрокаром в ангар, но это не имело никакого смысла, поскольку вертолёт приземлился совсем рядом с самолётом.

Настенька вышла из здания и с интересом наблюдала, как шахтёры торопливо носят свои вещи к заднему люку вертолёта, затем поднимаются в него по железной лестнице. Когда все оказались на месте, последним поднялся второй пилот – первый уже был за штурвалом, хорошо просматривавшимся сквозь стекло кабины – поднял за собой лестницу и закрыл дверь. Раздался гул взревшего двигателя, лопасти закружились, опять раздувая остатки снега, и через несколько минут прогрева, когда по звуку пилоты определяют нормальность работы механизма, огромная машина подобно гигантской стрекозе оторвалась от земли, слегка зависла над нею и вдруг, словно сорвалась с цепи, понеслась, описывая широкий круг, в сторону залива, быстро удаляясь и уменьшаясь в размере, пока не превратилась совсем в маленькую точку и, наконец, скрылась за горой.

Чувство восторга охватило Настеньку при виде этой совершенно новой для неё картины, которая должна была стать частью её новой жизни почти на краю земли. Пришли в голову строки из песни любимой певицы Анны Герман:

Опять стою на краешке земли.
Опять плывут куда-то корабли.
Опять несёт по свету лесовоз
Дурман тайги и белый снег берёз.

Только никаких берёз здесь не было видно. Ни одного деревца вокруг. Голые горы. Ну, не совсем голые, а покрытые белой снежной пелериной. Нет, скорее, шубой. Совсем такой же, как та, что надета сейчас на Настеньке. И такая же белая шапка. При мысли об этом, ей припомнилось, как один поэт прошлой московской зимой при виде её одеяния неожиданно продекламировал:

Белая шубка, белая шапка,
На белой шейке кашне.
И только губы алеют ярко,
Смеются, быть может, мне.

Экспромт понравился, но автор его, видимо, влюблённый в Настеньку, был далёк от взаимности с её стороны. Тогда, как и сейчас, её мысли были привязаны к сыну, а из памяти ещё не стёрлись любящие глаза мужа. Поэтому она ни в кого не влюблялась, отталкиваясь от этого чувства всеми силами, понимая в глубине души, что мальчику нужен отец. «Но не отчим», – думала она, и отгоняла мысли о любви в сторону.

Наплывшие мысли о сыне прервал мужской голос, прозвучавший из-за спины:

– Вы тут не простудитесь, Настасья Алексеевна? Вы нам нужны здоровой.

– Ну, что вы? – ответила Настенька, – я тепло одета. А вы, простите, кто?

Перед нею стоял, улыбаясь, грузноватый мужчина средних лет, с гладким широким лицом, одетый в такой же, как у всех полярников, тулуп.

– Позвольте пожать вашу руку и представиться, – сказал он, протягивая раскрытую ладонь. – Меня зовут Василий Александрович. Я уполномоченный треста «Арктикуголь» в Норвегии. Вы будете у меня переводчиком.

– Я поняла, – произнесла Настенька, подавая свою руку для пожатия. – Мне о вас говорили.

– Интересно, что же вам обо мне говорили? – Хитро прищурившись, поинтересовался Василий Александрович.

– Только то, что вы будете моим начальником.

– И это всё? – засмеялся новый начальник Настеньки. – Не много. А я уж думал...

Не успел он договорить, как к ним подошёл Евгений Николаевич и присоединился к разговору:

– Вы уже нашли Настеньку, Василий Александрович? Познакомились?

– Нашёл, но я не могу так фамильярно называть Настасью Алексеевну. Это у вас, у газетчиков, так принято всех по именам звать, а я привык по имени и отчеству величать.

– Не совсем так, – смутился Евгений Николаевич, – просто мы с Настенькой давно знакомы, и я рекомендовал вам её в помощники.

– Тогда всё понятно. Спасибо за то, что вы предложили нам такую замечательную женщину.

Теперь смутилась Настенька:

– Ну, вы ещё не знаете, какая я, Василий Александрович, – так что не надо дифирамбов. Давайте, о чём-нибудь другом поговорим.

– Да, уж некогда. Вон, наш вертолёт садится.

Большая махина, называемая МИ-8-М, с лёту побежала по взлётно-посадочной полосе и, тормозя, подрулила поближе к воротам, и, некоторое время продолжая вращать пропеллерами (большим и малым на хвосте), постепенно затихла. На его оранжевой части корпуса выделялось слово «Аэрофлот», написанное крупными буквами, видными издали. Над самой входной дверью красовалась эмблема: стилизованные крылья, распахнутые от серпа и молота. Название компании и эмблема подчёркивались широкой чёрной полосой, идущей по всему корпусу, охватывая иллюминаторы и сливаясь с тёмными светозащитными стёклами кабины. Эти стёкла делали кабину совершенно прозрачной, так что сидящей в ней пилот был похож на выставленный для обзора экспонат международной выставки.

– Пора и нам на посадку. Где ваши вещи? Я помогу, – и Василий Александрович собрался подхватить Настеньку под руку, чтобы идти к сгруженным чемоданам.

Но помогать ему не пришлось, так как шахтёры брали от самолёта все вещи подряд и несли в вертолёт, не позволив большому начальнику и его спутникам брать в руки тяжести. А в самолёт начали грузить вещи новых пассажиров.

Все трое подошли к вертолёту налегке. У Настеньки была в руках небольшая чёрная сумочка с документами и косметикой. Возле лесенки, подвешенной к открытому входу в вертолёт, стоял высокий парень в кожаной куртке, явно выделявшей его среди всех. Это был пилот, так называемый, командир экипажа. Он посмотрел на Настеньку, и его взгляд застыл. Она тоже посмотрела на молодого человека. Их глаза встретились.

Такое случается, возможно, раз в жизни или не происходит никогда. В одно мгновение она увидела в голубизне глаз глубокую грусть, тоскующий зов, почувствовала какое-то неизбыточное влечение, тронувшее всю её душу, заставившее сердце обеспокоенно забиться сильнее и чаще так, что даже перехватило дыхание. И он, не отрывая своего взгляда от голубых глаз незнакомки, принял их голубизну, как нечто неотвратно входящее в него, пронизывающее всё тело. Вполне возможно, что это длилось бы бесконечно долго, если бы не Василий Александрович, подхвативший Настеньку справа под руку, направляя её к ступеньке лестницы.

– Как вас зовут? – услышала она, ступая одной ногой, обутой в высокий сапог, на лестницу.

– Настасья Алексеевна, – послышалось справа от того же Василия Александровича.

– Значит, Настенька, – с лёгкостью, как будто давно знал, произнёс пилот, подхватывая слева пассажирку, которая, благодаря двум опорам справа и слева, буквально взлетела по лестнице, едва успев коснуться трёх ступенек лёгкого трапа.

И уже оказавшись почти в салоне вертолёта до её слуха, а, может, с опозданием до сознания донеслись слова:

– А я Иван крестьянский сын. Можно просто Ваня.

Так они и познакомились. Через несколько минут Иван крестьянский сын забрался сам в вертолёт, окинул взглядом рассевшихся вдоль бортов, перекрывая спинами иллюминаторы, пассажиров, у ног которых возвышались не поместившиеся в грузовом отсеке тюки и чемоданы, мельком бросил взгляд на Настеньку и, без тени улыбки на продолговатом красивом лице, обрамлённом правильными дугами светлых бровей, прошёл в кабину пилота. Настенька с трудом успела уловить его озабоченно-сосредоточенное выражение глаз.

Механик, он же второй пилот, по объяснению Василия Александровича, постоял на лётном поле, вслушиваясь в то, как раскручивался винт вертолёта, затем быстро влетел в салон, убрав за собой лестничку, присел тут же у захлопнутой им двери на маленькую скамеечку. Гул двигателя мешал разговаривать, поэтому Настенька, повернувшись боком, уставилась глазами в иллюминатор.

Внизу пронеслись огни по краям взлётно-посадочной полосы, и началось море, когда кто-то коснулся плеча Настеньки. Она недовольная прерванным зрелищем обернулась, но внезапно обрадовалась при словах наклонившегося к ней механика:

– Командир приглашает вас, если хотите, в кабину. Там лучше видно.

Настенька была счастлива. Её первый полёт и в кабине, в кресле второго пилота, откуда открывался прекрасный обзор. В первое мгновение ей показалось страшным сесть в кресло, которое, казалось, зависло в воздухе. В кабине под ногами тоже было прозрачное стекло, поэтому ощущение было такое, что ты находишься в воздухе и вот-вот упадёшь. Но падения не происходит, и к этому постепенно начинаешь привыкать.

После самолёта, летящего на высоте девять тысяч метров, откуда проплывающая земля выглядела большой развёрнутой картой с малюсенькими домиками вдоль тонких речушек, вертолёт виделся летящим совсем близко от земли. Правда, сейчас у Настеньки под ногами были потемневшие воды фиорда, а слева неторопливо проплывали высокие стены гор. Это потом уже она узнала, что они называются Столовыми горами, так как в отличие от остроко-

нечных гор, эти завершаются плоскими крышами, то есть равнинами, словно огромные столы, накрытые белой снежной скатертью, как сейчас, и расцветающей цветами в летнюю пору. Столы сидели прямо в морской воде, и лишь кое-где можно было заметить узкие лоскутки побережья, покрытого снегом.

Но это было слева. А с правой стороны залив омывал собой плоскую равнину, тоже белую от снега, и где-то подальше начинались горы, прятавшие за собой недавно зашедшее солнце, след от которого в виде яркой оранжевой полосы отчётливо наблюдался, вызывая в душе восторг.

Увлечённая изумительными видами, необыкновенными сочетаниями белого и тёмно-синего цветов, заметившая даже плывущий под ними кораблик, Настенька всё же не могла не думать о сидевшем слева через небольшой проход командире, который назвал себя Иван крестьянский сын. Его уверенная посадка за штурвалом, спокойные руки, не могли скрыть какую-то непонятную Настеньке грусть в его глазах. Шестым чувством начиная понимать, что что-то должно случиться, она боялась этого. Боялась даже думать об этом человеке, но не могла.

А, собственно говоря, почему нельзя думать? Вот он сидит в шлеме и наушниках, героическая личность. Она видит его профиль. Продолговатое лицо с прямым носом, чуть впалой щекой. Взгляд устремлён вперёд. Он не боится лететь над бездной. Конечно, он герой. Сейчас её жизнь всецело принадлежит ему, зависит от движений его рук. Стоит ему что-то неправильно сделать, и она рухнет в чёрную пропасть. Да, внизу уже темно, хотя над горами справа ещё виден ускользающий быстро свет.

Вот такой героический человек мог бы заботиться о Настеньке и её сыне. Она представила себя с Женечкой на своих коленях, в этом же вертолёте, и она объясняет сыну, что ничего страшного в полёте нет, когда за штурвалом сидит папа. А малыш весело смеётся, показывая ручкой на пролетающих далеко внизу чаек.

Может ли Ваня с такими грустными глазами быть отцом её сыну? Настенька поймала себя на мысли, что назвала пилота по имени, словно всё давно решено, когда он ни слухом, ни духом об этом даже не догадывается.

Вот он отрывает правую руку от штурвала и подносит её к голове, поправляя наушник. И тут, будто какой-то невидимый огонь внезапно ожёг Настеньку. Она не могла отвести взгляда от этой руки. До её сознания внезапно дошло, чего она внутренне боялась. И это произошло. На безымянном пальце правой руки Ивана блеснуло золотое обручальное кольцо. Парень был женат, а она готова была определить ему главную роль в своей жизни.

Открытие оказалось столь неожиданным, что у Настеньки ёкнуло сердце, и она часто задыхалась, пытаясь справиться с собой. А пилот, краем глаза наблюдавший за пассажиркой, мгновенно понял по устремлённым на его руку глазам причину её внезапного волнения, и как-то поспешно охватил рукой штурвал, пряча за ним опять кольцо на пальце. Но было поздно. Настенька замкнулась. Щёки уже не горели той радостью, что охватила их при виде восхищавших её пейзажей, при ощущении необычности полёта в кабине пилота и всего нового, что её окружало. Глаза потухли. И ей захотелось быстрее прилететь на землю, чтобы уйти от так предательски обманувшихся чувств.

Но вертолёт и так уже совершал посадку, зависнув на мгновение над широкой вертолётной площадкой с недлинной лётной полосой, обозначенной по бокам посадочными и заградительными огнями, просторным ангаром, в котором прячутся на ночь вертолёты, и по другую сторону площадки трёхэтажным продолговатым зданием, где разместился кабинет командира вертолётного отряда, вся его бригада бортмехаников и пилотов, включая метеорологическую службу с башней наблюдения, жилыми помещениями штата сотрудников и даже столом для игры в настольный теннис. Напротив этого здания, поближе к начинающемуся отсюда Грин-Фьорду, где он встречается с Ис-Фьордом, на самом мысу, уставившимся своим носом на возвышающуюся на противоположной стороне залива гору Протектор, названную так (в пере-

воде с английского означает «защитник»), поскольку она как бы защищает собой в какой-то степени от северных ветров, расположились док для технического обслуживания вертолётов, склад горюче-смазочных материалов, протще ГСМ, котельная и небольшая электростанция для автономного обеспечения энергией.

Разобравшись с вещами, Настенька вместе с Василием Александровичем и Евгением Николаевичем сели в подкативший прямо к вертолёту ГАЗ-69 и поехали в Баренцбург, в новую жизнь. И хорошо, что всё вокруг было новым, отвлекающим от мыслей о том, что перед тем, как идти к машине, Настенька протянула на прощание руку Ивану крестьянскому сыну, снявшему с головы наушники, след от которых всё ещё пролегал дужкой по густой шевелюре русских волос, и вновь обратила внимание на обручальное кольцо на правой руке, которой он мягко пожал ей руку, сказав, как ей показалось, многозначительно:

– Желаю хорошо устроиться. Надеюсь, мы скоро встретимся.

Мысли о его словах быстро ушли сами собой, перекрываемые впечатлениями от совсем рядом находящегося заснеженного пространства между тёмной поверхностью вод фьорда справа и горами, кажущимися высокими, совсем близко слева.

Василий Александрович посадил Настеньку рядом с водителем из уважения к её женскому полу, а сам несколько грузно забрался на скамейку в кузов, так что ей было хорошо всё видно, а начальник за её спиной комментировал:

– Тут вам захочется иногда погулять, но будьте осторожны, с гор может сойти лавина. Правда, снег только недавно выпал, но всякое может быть.

И в подтверждении слов об осторожности заговорил водитель Женя, невысокого роста, но крепенький паренёк в кепке фирменном тулупчике:

– Я на днях тут столкнулся с медведем. Ехал как раз на ГРЭ, а снег шёл сплошной стеной, вдруг смотрю – прямо перед носом туша белая движется. Я ему в зад упёрся машиной и засигналил, тогда он свернул с дороги налево к берегу.

– А куда вы ехали? – спросила Настенька скорее машинально, потрясённая тем, что здесь вот так просто можно встретиться с медведем.

– Да, сюда же, откуда мы сейчас едем. Мы это место называем ГРЭ. В недавнем прошлом здесь обитала геолого-разведочная экспедиция. Вот это место и прозвали ГРЭ. Так и сейчас зовётся, хоть экспедиции давно нет.

Но Настеньку волновал вопрос о медведе, и она почти испуганно спросила:

– И что же, эта зверюга часто здесь ходит?

– Нет, Настасья Алексеевна, – вмешался в разговор всё слушающий Василий Александрович, – я здесь третий год, а видел белого медведя всего несколько раз, да и то не в Баренцбурге. Просто сейчас время миграции. Но маршруты их проходят в другом месте. На Пирамиде они чаще бывают. Нас ГСВ оберегает. Они следят за фьордом и горами. Если медведь появится, жителей посёлка сразу предупреждают по радио, а бойцы ГСВ отгоняют зверя от посёлка.

– А если не заметят? – встревожено поинтересовалась Настенька. Женя, вы же встретили?

– Да, это редкость, – смеясь, ответил водитель. – Обычно медведь в посёлок боится заходить. Вот когда наступит полярка, тут они посмелее.

– Что наступит?

Настенька встречалась с терминами, значение которых ей было непонятно, и она спрашивала.

– Полярка – это полярная ночь. Она уже приближается. В конце октября солнца уже почти не видно, – пояснял Василий Александрович со смехом в голосе и добавил: – Жаль, что ваш спутник Евгений Николаевич спит, сидя тут. Много пропускает.

– Нет, я не сплю, – несколько хрипловатым голосом сказал будущий редактор. – Я сижу с закрытыми глазами, но открываю их иногда, и потому всё вижу и слышу.

3.

Их поселили в четырехэтажном доме с вертикальной надписью на фронтоне большими буквами, видными издалека, на английском языке HOTEL. Евгению Николаевичу, поскольку он ожидал в ближайшем будущем приезда жены, выделили двухкомнатный номер с кухней, душем и туалетом, а Настеньке, как одиночке, предоставили однокомнатный номер с теми же удобствами, только кухня была поменьше, но с кухонным столом и электроплиткой на две конфорки. Оба номера на четвёртом этаже, оба с видом на фьорд.

На обустройство Василий Александрович выделил полчаса, после чего пригласил к себе на ужин. Он тоже жил в этом коридоре, чуть подальше. Едва Настенька успела раскрыть чемодан, переодеться и привести себя в порядок, как раздался телефонный звонок. Она даже не обратила внимания на телефон, стоявший на тумбочке возле кровати. Подняв с удивлением трубку, услышала:

- Так мы вас ждём, Настасья Алексеевна. Все уже собрались.
- Кто это все? – удивилась Настенька.
- Так это мы с женой и Евгений Николаевич с водкой, пошутил Василий Александрович.
- А я привезла с собой вино.
- Это как-нибудь в другой раз. Сейчас приходите просто так. Будем пить виски. Но не задерживайтесь.

Настенька подошла к зеркалу на дверце шкафа, критически осмотрела всю себя, повела из стороны в сторону грудью в белой блузке с отложным кружевным воротником и поверх неё белой кофточке с приколотым золотым скорпионом, обозначавшим, что она родилась в ноябре (это подарок сестры Веры), встряхнула только что расчёсанными волосами, легко взлетевшими и опустившимися вновь на плечи, и, довольная собой, пошла в гости, не забыв запереть номер и положить ключ в кармашек умеренно короткой белой юбки.

Только она нажала кнопку звонка, как дверь тотчас, словно автоматически, широко распахнулась. Встречавший Василий Александрович, опешив первое мгновение, воскликнул целой тирадой слов:

- Белоснежка! Белая мадонна! Даже туфли белые. Красавица! Вы откуда такая? Как вы к нам попали? Ну, проходите же скорей. Пусть на вас посмотрят. А я закрываю глаза и дверь.

Но дверь закрыть он не успел. К ней, пока ещё открытой, торопливо подошёл пилот вертолёта и, увидев уполномоченного треста, тут же спросил:

- Простите, Василий Александрович, вы не знаете, куда поместили новую переводчицу?

И тут Иван видит Настеньку и буквально остолебеневаает. Сделав два шага в комнату, Настенька оглянулась и тоже замерла от неожиданности. Их глаза снова встретились и обожгли друг друга той же самой непонятной искрой огня, что скользнула между ними в аэропорту у входа в вертолёт.

Неизвестно, сколько бы они так стояли, глядя друг на друга, если бы не вопрос Василия Александровича, прозвучавший с долей подозрительности в голосе:

- Ваня, что, собственно, случилось? Ты не на вертолёте к нам?

Пилот, одетый по-прежнему в кожанку и похоже, что только что с работы, а он действительно не успел даже к себе домой, виновато проговорил:

- Нет-нет, всё в порядке. Просто Настенька забыла в кабине свою сумочку. Я подумал, что, может быть, она ей срочно нужна.

А Настенька, услышав это, только теперь вспомнила, что положила сумочку рядом с креслом пилота, когда сидела в кабине, но так была занята мыслями об Иване, что, покидая кабину, забыла про сумочку и, наверное, вспомнила бы о ней только завтра, ибо, одеваясь в гости, она достала из рюкзака свой большой туалетный набор со всем необходимым и пользовалась им.

Она покраснела и потянулась было рукой за сумочкой, но сзади услышала голос жены Василия Александровича Татьяны Борисовны:

– Только не через порог. Да вы, Ванечка, проходите в комнату. Будьте у нас гостем. Мы принимаем приехавших, а ведь вы их привезли, так что тоже сегодня самый дорогой гость, да ещё красавец.

Татьяна Борисовна, относительно худая женщина, потому что худой её можно было назвать только в сопоставлении с комплекцией её мужа, в солидном возрасте, отмеченным морщинками на лице, и одетая в элегантный твидовый костюм серого цвета в клеточку, с белой косынкой на шее, завязанной большим узлом. Она назвала красавцем Ивана и пригласила его в компанию, очевидно, в пику своему мужу, так неосторожно восхитившимся красотой Настеньки. Во всяком случае, дело было сделано, и новый гость вошёл с Настенькой в большую комнату, в которой стоял уже накрытым стол.

Ивану предложили снять свою кожанку, и он, смущённо бросив взгляд на строгий чёрный костюм поверх белой рубашки с красным галстуком Василия Александровича, посетовал, что не готовился к приёму и не надел фракный костюм, которого у него и не было.

– Ничего страшного, – успокоила по-хозяйски Татьяна Борисовна, – у нас не свадьба, а семейное застолье.

Обеденная комната, а точнее сказать гостиная, была интересна не только висевшими на стенах картинами с видами гор и фьордов Шпицбергена, но и большими окнами по противоположным стенам – с одной стороны окно смотрело на Грин-Фьорд, с другой стороны оконные стёкла занимали едва ли не две трети стены, отделявшей комнату от кухни, так что через них хорошо были видны холодильник, большая электрическая плита и столик для приготовления пищи.

Между окном на кухню и столом с яствами стоял большой диван, на который и усадили Настеньку между двумя кавалерами, чьи жёны на данный момент находились далеко в России и не могли ревновать к прекрасной одинокой даме. Об этом, рассаживая гостей, громко объявил Василий Александрович и попросил кавалеров ухаживать за своей соседкой., а Ивану, севшему слева от Настеньки, предложил обращать внимание и на хозяйку, поскольку сам он сел как бы во главе стола, за его торцом, а с другого конца, ближе к выходу на кухню, как и полагается хозяйке, которой предстояло бегать поминутно за новыми блюдами, села его жена, за которой он не мог ухаживать издали.

Настеньку обуревало безотчётное чувство страха оттого, что рядом и опять слева сидит этот человек с удивительно печальными глазами, буквально выстрелившими в неё при первом взгляде. От этого выстрела она не успела отойти, а он опять рядом. «Это много для одного дня», – подумала она. И ещё ей подумалось очень удачным то, что с другой стороны сидит Евгений Николаевич. К нему она привыкла. Отношения между ними сложились дружескими, но не более того. Даже после смерти Володи он продолжал встречать её, как старший товарищ, готовый прийти на помощь в любую минуту. Но то в Москве, где у него рядом была жена, а как будет здесь? Мужиков всегда тянет на сторону, когда поблизости нет супруги, хотя они этого или нет. Потому то, что два мужчины по бокам – это даже хорошо.

Но Настеньку беспокоила мысль о том, кому из них отдавать предпочтение. Если обращать больше внимания на Евгения Николаевича, то хозяева могут подумать, что они давно в любовных отношениях. А этого Настеньке очень не хотелось. В то же время, прояви она себя лучше в сторону Ивана, это может показаться странным, и она боялась, что так всё может и случиться, ибо только о нём она теперь и думала.

Как бы пошёл этот вечер дальше, трудно сказать, если бы не внезапный звонок в дверь. Хозяева переглянулись вопросительно.

Со словами «Кто это может быть?» Василий Александрович направился к двери. Вскоре оттуда донёсся его восторженный, словно поющий, голос:

– О, какие гости! И как вовремя! Леонид Александрович, Наталья Германовна, вы очень кстати, прямо к столу! Мы ещё даже не начали.

Сидевшие за столом сразу же поднялись и пошли встречать новых гостей.

– Это Настасья Алексеевна, с сегодняшнего дня моя переводчица, – радостно представил Настеньку Василий Александрович, и, повернувшись к Евгению Николаевичу, назвал его имя, и добавив, – наш новый редактор. А потом уж, как и полагается по этикету, представил пришедших, – Леонид Александрович, директор рудника Баренцбург, в чьём подчинении вы хоть и не находитесь, но он всем командует, и его великолепная супруга Наталья Германовна, которой тоже неплохо бы понравиться, несмотря на то, что она никем не работает.

Между тем, директор рудника, среднего роста, с круглым полным жизненной силы лицом (бывают такие лица, в которых непременно наблюдается энергия руководителя) в чёрной меховой шапке на голове и в дублёнке, широко улыбаясь, сказал:

– Ну, я рад, что мы кстати. Да и зашли то мы специально, чтобы узнать, как устроилась переводчица. Сам я на ГРЭ не смог приехать: дела заели, а сейчас вот решили с Натальей провести вас на минутку.

Жена директора, несколько худощавее мужа, одетая в чёрное пальто из каракуля и с чёрной шляпкой, тоже улыбалась. Но вдруг из-за борта её пальто вынырнула остренькая головка маленькой собачки с остренькими ушами и довольно злобно залаяла.

Настенька, протянувшая было руку для приветствия, от неожиданности ойкнула и отдернула руку. Наталья Германовна спокойно привычным, наверное, тоном закричала на свою любимицу, прихлопнув мордочку ладонью:

– Тю, дурная, сколько тебя учить порядку? Никак не научишься вести себя прилично.

Все дружно рассмеялись. Обстановка официальности растворилась в разговоре о собаке, порода которой называлась гладкошёрстный той-терьер. Гости вошли и начали раздеваться: снимать сапоги, надевать тапочки, стоявшие рядом под вешалкой. Видно было, что к гостям здесь привыкли.

Теперь Настеньку посадили на диван слева от Леонида Александровича, а справа от него и ближе к Василию Александровичу села Наталья Германовна, спустившую своего любимого пёсика на пол, где он и бегал, изучая местность, а потом, утомившись, лёг на ступне хозяйки в терпеливом ожидании, когда ему что-то достанется с праздничного стола.

Двух же мужичков разместили на стульях напротив. То, что директорская пара зашла якобы на минутку, можно было забыть после того, как глава семейства достал, как волшебник, из внутреннего кармана дублёнки бутылку шотландского виски и протянул Евгению Николаевичу:

– Вы, молодой человек, может быть, не привыкли в Москвах пить виски, так мы вас научим.

Правда, в момент прихода начальника рудника произошла небольшая заминка. Ивану стало совсем неловко при виде шикарного вечернего голубого платья Натальи Германовны, и он попытался с извинениями уйти, говоря:

– У вас тут такая интеллигенция, высший свет, что мне как-то неудобно портить общество своим присутствием. Я лучше уйду.

Но все запротестовали. А Леонид Александрович пояснил с улыбкой:

– Вертолётчики – это не какие-нибудь шахтёры и чернорабочие. Вы высокого полёта люди, так что тоже относитесь к высшему обществу. Ну, а что одет в свитер, так ты же, очевидно, прямо с вертолётки сюда?

– Да, я зашёл отдать сумочку, которая Настенька забыла в вертолёте.

– Так она у нас растеряха? – засмеялся Леонид Александрович.

– Ну, Лёня, как тебе не стыдно? – оборвала его жена. – Человек впервые на Шпицбергене. Тут самого себя забудешь, не то, что сумочку.

Так и начался вечер.

На самом деле директору рудника и его жене присутствие пилота Вани, да ещё одетого в свитер, было, как ком поперёк горла. Леонид Александрович сказать-то сказал, что пилоты высоко летают и якобы потому они относятся к высшему обществу, но думать так, не думал. Другое дело начальник вертолётной службы армянин Абрамян, известный на руднике по отчеству Артурович. Он, конечно, был вхож в общество высокопоставленных лиц, поскольку его приглашали и в консульство, и даже на приёмы к губернатору Шпицбергена. Всё-таки начальник службы. Настоящее имя его было Артур Аршавирович, но по причине трудности запоминания его русскоязычным людям он просил называть его просто Артуровичем. Так и договорились. С ним можно сидеть за одним столом.

А Иван крестьянский сын, по правде сказать, к крестьянам отношения никакого не имел, поскольку его родители были из интеллигенции, но иногда называл себя так из любви к простому народу, воспитанную в нём с детства его же родителями и литературой. Так вот он, по мнению высокопоставленных в Баренцбурге лиц, был мелкой сошкой, но не мог же директор прямо сказать, например, как хотелось бы, «Каждый сверчок знай свой шесток» или нечто в том же духе. Директор шахты, где работает непростой народ шахтёры, должен выглядеть демократом. Ему нравится, когда шахтёры зовут его папой. Это у себя в кабинете в разговоре с уполномоченным треста, который по положению был выше него, он как-то нечаянно, похвально, сказал о своих работниках:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.